

Сотрудники  
Александр Исаев

Пятница, 25 июня 1999 г.

# Александр Солженицын: Я создавал свой долг и испытывал страсть...

Недавно на общем собрании Российской академии наук президент академии Юрий Осипов вручил лауреату Нобелевской премии по литературе действительному члену РАН Александру Исаевичу Солженицыну Большую золотую медаль имени М.В.Ломоносова 1998 года.

Высшей награды Российской академии наук 80-летний писатель удостоен за выдающийся вклад в развитие русской литературы, русского языка и российской истории.

Согласно традиции после вручения награды лауреат выступает со своим докладом. Выступление А. И. Солженицына было выслушано с огромным вниманием. После завершения доклада весь зал встал. Аплодисменты не смолкали, пока лауреат не занял место в президиуме рядом с президентом РАН. Читатели «Вечерки» имеют возможность ознакомиться с докладом, произнесенным всемирно известным писателем перед научной элитой России.

Я глубоко тронут и более чем польщен такой высокой наградой от Российской академии наук — с никогда не меркнущим для нас именем Ломоносова.

Еще гораздо более того я смущен, что эта награда настала для меня, новичка здесь, при столь блистательном корпусе заслуженных ученых, достойных ее ранее и более меня.

Я вырос в сознании, что писатель не смеет отодаться полностью своим художественным прихотям. Что рано или поздно он должен послужить своему народному сообществу, своему Отечеству.

Рано или поздно. А после выжидающих, истребительных наших десятилетий — даже чем раньше, тем лучше. Десятилетиями в нашей стране выборочно уничтожался высший интеллектуально-духовный слой, особенно в гуманитарной и общественной области, уничтожались потенциально самые активные люди, способные к разумной деятельности. И, думаю, у кого есть силы — должны заменить истребленных, даже выходя за контуры своей профессиональной деятельности и своего жизненного плана. Поэтому, но и по общественной страсти, я, едва начав публичный литературный путь, вынужден был много сил переложить на борьбу за общественную справедливость, в противостояние жестокому политическому режиму.

Но даже и более того я сознавал свой долг — и испытывал страсть — раскопать и осветить завалы нашей недавней истории, мучительно переживая явную ложность официальных версий. Так, со своих 18 лет и далее чем за 70, главным делом своей жизни я видел: написать литературную историю Российской революции семнадцатого года.

Естественно, я начинал работу еще безо всякой явной концепции. Долго двигался на ощупь, также и по ошибочным путем. Я приходил к осознанию истинного движения тех событий — в ходе самой работы над материалом, хлынувшим на меня морем фактов.

Это путь нелегкий. И сегодня множество наших соотечественников, а тем более западных людей, считают исходным толчком к российским бедам — Октябрьский переворот, а не Февральскую революцию, как было на самом деле.

Наблюдателя-потомка сердечно поражает то нетерпение бескрайней раздраженности, та озлобленность непримиримости, которые разгорелись в образованном и многопартийном обществе по отношению к многовековой российской исторической власти, с близоруким решением смести ее прочь — даже во время великой войны и при полном безучастии народного большинства. И в Феврале семнадцатого эта пружина разжалась и ударила — дальше представил сплетением кратких мелких случайностей, ударила, сотрясанием в несколько дней заменив желанный, возможный и уже тогда равномерно осуществлявшийся спокойный эволюционный путь.

Касаясь исторического материала, художественная работа еще более усиливает личную ответственность писателя — до ответственности уже строго науч-

ной: эти глыбы событий не только не могут быть использованы как опорные площадки для авторских фантазий, но требуют археологической почтительности при раскапывании, при рассмотрении их вплотную.

Такая колоссальная раскопачная работа, никак бы не достижимая мне в советских условиях, широко распахнулась после высылки на Запад. Там стали мне доступны и богатые русские архивы Соединенных Штатов, и вся печатность дореволюционная и русской эмиграции. Если при работе над Архипелагом ГУЛАГом я обладал лишь малым числом документов и вынужден был опереться главным образом на свой жизненный опыт и живые свидетельства очевидцев — то теперь эти свидетельства еще не умерших современников революции, тоже нескольких сотен, были лишь ярким, телесным дополнением к документальным материалам.

А по мере того как я вступал в смятенный вихрь событий, в котором Россия пала за 8 месяцев, я проникался все большей тревогой, что — и по повторности взглядов нашего образованного общества, не обогатившихся от колеи начала века, и по сущностным свойствам нашего народа, покорно приемлющего любую волю на государственном вершине, — этот вихрь может снова повториться в России, в какой-то другой вариантах формы наступить ее на ожидаемом выходе — теперь уже из коммунизма. Конечно, формы проявления событий будут совсем другие, но неизбежно повторится тот же инвариант: резкий перепад давления, ничем не контролируемый переход от стянутости оброчам к полной и сразу безответственной свободе, — и он быстро поведет к разрушительным событиям, хотя и проявятся они совсем при другой житейской и экономической обстановке, в других социальных слоях, при других конкретных условиях.

И в конце 70-х, еще далеко до окончания «Красного Колеса», по ограниченному возможностям русскоязычной передачи Би-би-си, я пытался донести эти предупреждения до соотечественников. Однако та одиночная попытка, конечно, не могла повлиять на близкий уже ход событий, начавшийся с середины 80-х.

Начавшийся — и сразу же по самому неразумному пути, упустя все целительные. А с начала 90-х годов Россию вышвырнули рывком в опротивевшее, безоглядное, еще по-новому и по-новому разрушительное сползание.

Когда «Красное Колесо» стали публиковать на родине в середине 90-х ограниченным тиражом — тем более поздно было донести до кого-то наш бесплодный потерянный исторический опыт. Реальное новое Колесо, только цвета Желтого, уже пожирало Россию.

Нынешнее падение России длится не месяцы, нет, вот уже второе десятилетие — так тем опаснее и долговременнее могут быть материальные, демографические и нравственные последствия. Тем трудней — найти и осуществить созидательный выход из этого хаоса, безвозвратно усугубляемого высокопоставленным грабительством.

А многие те уроки семнадцатого года крайне бы нужны рос-

сийским деятелям наступивших сейчас критических годов — да упущены ими начело.

Другим моим многолетним занятием, плотно прилегающим к писательской работе, но отделимым от нее, было: как бы лексическое пересчитывание всего русского языка — по словам, широко распахнувшись после высылки на Запад.

Процесс эволюции всякого языка течет постоянно: что-то постепенно теряется, что-то приобретает. Но крупная социальная революция — приводит в ненормальное, болезненное сотрясение также и весь язык, в опасных пределах.

Так и русский язык от потрясений XX века — болезненно покоржился; испытал коррозию, быстро оскудел, сузился потерял своих неповторимых красок и соков своей гибкости и глубины.

А с разложения языка начинается и им сопровождается разложение культуры. Это — и символическое, и духовно опаснейшее повреждение.

Лексическое обеднение русского языка сейчас таково, что слова, естественно составленные из известных корней, приставок, суффиксов, — вдруг вызывают полное недоумение как некое экстравагантное словотворчество. И все больше теряются энергичные краткие отглагольные существительные, особенно мужского рода, язык слабеет в ярких отглагольных среднорода, а то еще и в суффиксам иноязычной природы.

По мере сил я противился этому оскудительному процессу в моей литературной работе. И, отделив от нее, еще треть века занимался составлением Русского словаря языкового расширения (до 40 тысяч слов); он опубликован на родине с моим возмущением. В этом словаре я старался выявить и продемонстрировать на десятках тысяч примеров еще спасаемые несравненные яркость, свободу и сцепчивую подвижность нашего языка в различных грамматических сочетаниях.

Другая нынешняя порча языка — в том, что он замусоривается множеством англоязычных слов, большей частью безнадобных, дубликатных, вместо пренебрегаемых русских. Правда, в этом последнем пункте нельзя считать надежду потерянной: например, в послепетровскую, в елиазетинскую пору письменный язык был затоплен обилием немецко-голландских, также безнадобных, заимствований — а со временем они слышались как вена. Но тогда был здоров, невредим сам стержень нашего живого языка — не как сегодня.

Ставят в пример Францию: там введен закон о сохранении языка. И нам бы так? Но в нашей ли, кругом разоренной, жизни? Тот закон — и в размерной французской соблюдается слабо, принят инертно, — лишь свидетельство упадка и всей мировой культуры.

Небесомысленным представляется и утвердившийся у нас стандарт грамматических правил. Я печатал предложения по некоторой частичной коррекции их.

Академическую среду ранее дружного обоснования заботят верхние слои образовательной пирамиды — спасение высшей шко-

лы в разоренной стране. Именно успехи высшей школы становятся сегодня ключом к устойчивости или неустойчивости всей России как влиятельного государства. И не только в численности добротно образованных людей, и не только в высоте научно-прикладных знаний, но и в обширности общего кругозора их мировоззрения: лишь в такой среде могут вырастать фундаментальные идеи науки.

Чем выше по шкале и чем тоньше по структуре образования — тем губительнее отзывается на нем нынешнее едва-едва управляемое состояние страны. Еще никогда за три века своего существования на Руси наука не была покинута в таком пренебрежении и даже нищете.

Бесогонимой коммерции внедрен как верховная идеология. К тому же: в ходе так называемых реформ 1992 — 1994 годов системой путаных указов, неясных законов, недомолвок и частных благоволений — в России создана юридическая обстановка полного беззакония, так что крупному расхитителю нельзя предъявить даже четкого обвинения: закон дает ему невозвратный простор. В такой дикости — бескорыстной науке делать нечего.

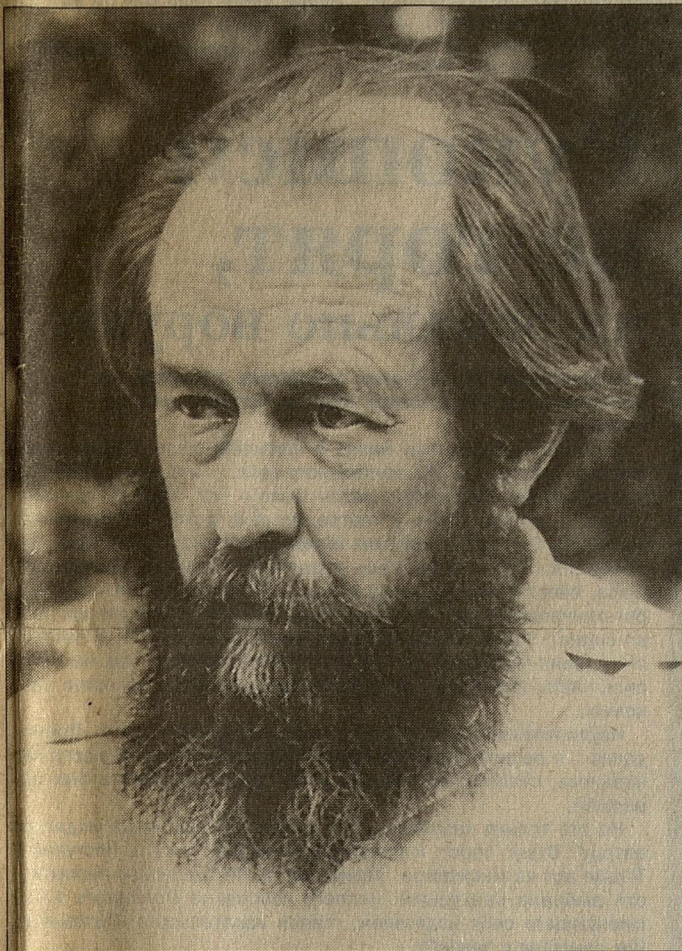
В атмосфере, когда воровство проросло всю государственную систему, имеющих власть и откормленных ими финансовых магнатов, когда оно в своих размерах превышает государственные бюджеты, — эта гнусная дышащая среда нисходит от вершин и ниже, как бы рекомендована и высшей школе. Ректоры высших учебных заведений обстоятельства принуждают к коммерческим же изворотам. Коммерциальность высшего образования толкает к коррупционному и его. Очень по-разному — кто недостойно, а кто весьма достойно — справляются с нею администраторы науки. Времени нынешнее не отмечает, не венчает достойных. Однако каждый делающий знает сам, перед совестью, полноту и чистоту совершенного.

Одно из судорожных усилий — введение плагиата высшего образования и даже отдельных его элементов. В нашей действительности такая система выявляет себя как показная для студентов имущих и преграждающая для немущих. Образование несет уроны с обеих сторон: одни теряют к учению — импульс, другие, талантливые, — возможность. А ведь не менее ищущих, устремленных студентов — в их образовании заинтересовано разумное государство.

Ветшает научно-техническое и лабораторное оборудование вузов, а на новое нет средств. Стареет профессорский состав, не находит себе свежей замены и подпоры в среднем учебном переплетении — при нынешних плачевных финансовых условиях. Научные работники, не имеющие преподавания, бедствуют и горше.

И можно только поклониться стойкости всех их — не покидающих своих научных постов, не уезжающих за границу, даже кто и обременен такими приключениями: они мужественно сохраняют еще не рухнувший интеллект России, не обидная его, своим отъездом; на плечах своих несут все растущую нагрузку, читают лекции в стесненных аудиториях, лекции, обрушенные по длине учебного часа. Однако ж и никак не падающие вступительные конкурсы, настоячивая тяга студентов к знаниям через голод, холод и нужду — поддерживают и профессоров в их жизненном и научном подвиге.

Да ведь и для уехавших ученых — отнюдь не для всех то исполнение золотой мечты. Для кого — и горькое томление без родного научной среды, в какой выросли, жили, и товарищески



обсуждали научные идеи еще в ходе разработки их.

Многие вузы прямо интегрированы в академическую систему. Но на Академию наук лежит и высшее послевузовское образование — тысячи аспирантов и тысячи докторантов. Академия! В мутном вихре невежественно-мзлыщических или откровенно грабительских лжереформ начала 90-х — уже намеченная, едва ли не обреченная к роспуску; в те же годы надменно теснящая самовольными аналитическими центрами, консультативными ассоциациями, институтами перекрестных проблем, рвущимися показать правительству и обществу несомненно верную дорогу страны; затем охлестанная рекламными всплесками поспешливо лженауки; еще и урезанная в финансировании от 1990 года — в 10 — 8 раз, — Российская академия наук, можно думать, уже перестояла самый худший период. И надо восхититься мужеством российских ученых — в этой сумбурной круговерти, в эти годы смрадной общественной атмосферы выстоявших вопреки всем материальным бедствиям и унижениям. Не только по сумме и по пику блестящих научных результатов, удивительным образом не гаснущих в нашей забывчивой стране, — но прочным поддержанием самого духа высокой науки.

Так Российская академия наук — через многие царствования, преобразования, революции, войны, смены политических систем, попытки разгона в раннесоветское время, наскоки властных неведжд, волны арестов, тюремных гибелей — стойко прошла уже 275 лет, служа России. Но если, в самом начале того пути, Петр Первый задумал и создал академию как мозговой центр России на долгое будущее, — сегодняшней политической режим, в годы сложнейших, упускаемых государственных задач, самоуверенно не прибегает к широкому спектру научных экспертиз академии по труднейшим проблемам. Те решаются беглыми кабинетными совещаниями череды быстропеременяемых и потому безответственных лиц.

Уже несколько лет назад мне довелось горько выслушивать и в Дальневосточном, и Сибирском отделениях академии жалобы на то, как устраняются властями наши ученые от решения важнейших вопросов.

А кому доступно — зорче провидеть наидальние перспективы, если не Академии наук?

Но, говоря о высшей науке, не можем мы забыть, что будущее ее и в том, насколько с годами успешно встроится в нее таланты нынешней юности. Высшее образование утверждается и на фундаменте образования среднего. Не могу коротко не отметить уваженную аудиторию и к этой большой теме.

Все слабеющее, хрупкое прозябание наших школ — самих зданий, и школьных пособий, и всеизвестная бедность учителей, заброшенных государством, обрыв их культурных возможностей — вот уже и десять лет, полный школьный срок, толкают народное просвещение превратиться в массовое воспроизводство невежества. Добавим сюда — нет, вычтем отсюда — запретную тошноту нынешних провинциальных, мелких и сельских библиотек, многими годами не пополняемых ничем плодотворным, — как будто не бывало позиди никакой предшествующей русской культуры. Какова же база для развития молодежи?

При такой подорванности среднего образования — долго ли удержатся вершины науки?

Особо отмечу: светлые реформаторы нашей средней школы уже не раз предлагали сократить учебные часы по русскому языку или даже вовсе убрать его из расписания, например, слить с часами русской литературы (также сокращаемыми). Вытеснить русский язык! — когда он и без наших усилий изживается в отделившихся республиках, для миллионов отселевавших русских детей; да естественно сжимается и в школах автономий. Сдавливать израненный русский язык и петлей географической, и петлей образовательной — значит, тянуть его к вырождению, а то и полному исчезновению.

Удивительно, но сокращаются и математические предметы, программы по ним уменьшаются или грубо упрощаются подражательным перебором скороспелых и сомнительных новаций, и клонятся от высоких традиций российской математической школы. Этим не только расширяются пути во многие технические науки, но снижается и общая математическая подготовленность нашего общества, падает его элементарная логическая грамотность, что под-

рывает в людях даже и навыки четкого мышления.

В не меньшей опасности в средних школах сегодня находится и преподавание отечественной истории. Полная смена государственной и общественной обстановки в России, естественно, потребовала радикального обновления учебников по истории. С этой задачей справились только редкие авторы и лишь частично. В объеме одной и той же обложки находим дичайшую перемесь восстановленных реальных фактов (далеко не всех) — и легковесных оценок, неосновательных трактовок. А словами программ, гуманитарные ценности европейской цивилизации — вставлены в формах весьма радикальных и однобоких.

Временные переходные учебники при суматохе вариантов программ — только еще больше раздвигают учеников. А денежно обеспеченные иностранные источники — фонды или секты — с готовностью берутся освещать, толковать нам русскую историю, быстро изготовляют свои учебники или шуточные учебные пособия, — и Министерство образования с захватной поспешностью визирует такие для школ, не пропустив через взвешенную научную экспертизу. В некоторых же учебниках и программах — из отечественной истории изымаются нынешние страны СНГ, как если бы их вовсе не было в истории России. Появляются и региональные учебники, знаменуя дальнейший разрыв единого учебного пространства России.

Среди промелькнувших недавно проектов школьной реформы не случайно были и такие, цель которых сводилась всего лишь: как облегчить государственную содержание школ — через приватизацию? Или так называемые образовательные ваучеры? Платность среднего образования? Все новые миллионы подростков вообще не кончат школьного курса, лишаются общего среднего образования, часть их аврально вытягивается через профтехучилища.

Тем сложнее эта активно обсуждаемая школьная реформа, что должна совершиться при расстройном, разбродном, культурно разорванном в ключах состоянии России, уже прямо угрожающем распадом страны. При всем этом — как сохранить, не дать развалиться единство образовательных систем? И не растерять достоинств незаурядной русской педагогики — и сообразовать обучение с современными требованиями интенсивности, с современной технической действительностью.

Однако при всей важности образования молодежи — еще острее и острее выдвигается задача его воспитания. При провале воспитания даже самая удачливая образованность — может создать лишь бесчеловечное общество. Даже нахватавшись авангарднейшего образования, но с порченными душами, нам не выбирать из ямы.

А ныне воспитание учащихся напряжено и усложнено тем, что все общество прошло через сплошное холологическое сотрясение, слом нравственных ориентиров, традиционного уклада представлений, — и само общество служит для юношества, и даже для детства, наихудшим образцом. С каким лицом воспитателю толковать малышам о добре и честности, когда уже и детские глаза видят, хоть не так охватно, как взрослые: что ни справедливости, ни защиты и никаких себе прав не жди; что народное достоинство бесстыдно разворовывается, и именно эти разворовщики торжествуют; что ученые — не свет, а горькая нужда, готовь себя лучше в воры.

Обвальная нищета десятков миллионов семей лишает и изнеможенных родителей сил и времени для достойного воспитания своих детей — и ответственность

школы в том возрастает сверх нормальной пропорции. Тысячи детей уходят из семей, от других тысяч отказываются родители, буйно растет детская преступность, а отмечено статистикой и немалое число детских самоубийств.

Обледелено тремя слоями сердца — от того, что делается ныне с нашим юношеством и средней школой.

Здоровая же часть молодежи, которая не приняла распушенности, пытается противостоять ей, — получает в том слабую помощь, и не всегда. А тающая сельская молодежь? Она и вовсе отстранена от культуры, от надежных путей развития.

И на такой народной базе — расти, расти, большая наука!

В условиях уникального в человеческой истории пиратского государства под демократическим флагом, когда заботы власти — лишь о самой власти, а не о стране и населяющем ее народе; когда национальное богатство ушло на обогащение правящей олигархии из неперечислимых кадров властей верховной, законодательной, исполнительной и судебной, — в этих условиях трудно взяться за утешительный прогноз для России. Но во всяком случае решение следует искать глубже уровней экономического, политического и даже социального.

Народное наше несчастье, что мы, в массе, легко поддаемся залетным общепотребительным лозунгам: то нас спасет светлый коммунизм, то нас спасет светлый капитализм, — и каждый раз попадаем в капкан и предорого платим за нашу доверчивость.

Всякая подражательность — порочна. Проследившая историю чуждый опыт основных стран Запада и долгоустойчивых стран Востока, мы убеждаемся, что каждая из них вырабатывала свой самобытный путь и продлевала его собранностью внутренних сил, не копируя соседей. А ведь интеллектуальные ресурсы нашего народа — изобильны, они сравнимы с природным несметным многообразием нашей земли. И мы — ищем подражания?

Мы нуждаемся — снова высветить наш внутренний мир, восстановить обрушенную систему наших духовных ценностей, над которыми сегодня бездумно плывут эфирно-газетные средства. Мы нуждаемся в зрении на большую даль вперед.

Никакая изобретательность технологического предпринимательства не заменит нам длительного дара уже накопленной культуры. Культура же несет в себе и упругое сопротивление всем видам обезличивания: от снижения наших нравственных мерок, от погружения в суеверное потребительство — и до превращения людей в техногенные существа.

Скучно, многим нашим молодым людям свойственен талантливый порыв к новым уровням качества. Российская наука в сочетании с нашей традиционной богатой культурой представляют собой не только страну Россию, но одно из виднейших русл мирового умственно-духовного жизни. Я тут не употребил слова «цивилизация» из-за двойственности его: внешний ли это предметности достижений или многостолетняя органическая традиция. Говоря во втором смысле: Россия и сегодня являет собой одну из крупнейших мировых цивилизаций. И несет в себе свои собственные спасительные зачатки. Потенциальные возможности России значительно превосходят ее нынешние материальные и геополитические обстоятельства.

Удалось бы только сростить в живую ткань здоровые творческие силы.

(Текст печатается в авторской редакции)